

АНАТОЛИЙ КУРЧАТКИН

(по сюжету АНАСТАСИИ КУРЧАТКИНОЙ)

ВОЛШЕБНИЦА
НАСТЯ

ДЕТСКАЯ ПОВЕСТЬ

Анатолий Курчаткин

Волшебница Настя

«Автор»

2009

Курчаткин А.

Волшебница Настя / А. Курчаткин — «Автор», 2009

ISBN 978-5-7851-0705-2

У девочки Насти, только что ставшей второклассницей, наступила пора первых в ее жизни летних каникул. И она отправилась проводить их на даче у бабушки. Но если ты мечтательница и отдыхаешь от всяких школьных дел, то обыкновенный дачный отдых может легко превратиться в опасное волшебное приключение. Когда в твою жизнь ворвутся и лешие с водяными, и летающие верблюды, тебе придется познакомиться и с Серым волком, и взмыть в небо на ковре-самолете. А все из-за того, что всего лишь попытаешься сорвать красивый цветок... Взрослый писатель Анатолий Курчаткин написал детскую повесть-сказку по сюжету, который подсказала ему внучка, – интереснейшая получилась история. И занимательная, и поучительная, читаешь – и невозможно оторваться. Оказаться на месте героини этой повести-сказки захочется каждому ее читателю! Для детей 6 – 8 лет.

ISBN 978-5-7851-0705-2

© Курчаткин А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава первая. Настя заблудилась	6
Глава вторая. Чур-чур, скатерть-самобранка и всякое другое	10
Глава третья. Рассказ Чур-Чура	13
Глава четвертая. Настя принимает решение	16
Глава пятая. Под спасительной шапкой	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анатолий Курчаткин

Волшебница Настя

© А. Курчаткин 2017

* * *

Глава первая. Настя заблудилась

Настя тогда закончила первый класс (конечно, на отлично! А вы что думали?) и поехала с бабушкой заслуженно отдыхать на дачу. Ну, там от всех этих арифметик, прописей, физкультур – вкушать жизнь полными ложками, иначе говоря: гулять с утра до ночи на улице, вдосталь играть в прятки, салки, куклы, ставить кукольные спектакли, гонять на самокате и вдоволь мечтать. Мечтать – это Настя особенно любила и иногда забывалась в мечтаниях так, что забывала, где находится: тут или там. В смысле, там или тут. Фу, совсем запутались. Мы имели в виду, что ей казалось, будто то, что с ней происходит в ее мечтаниях, – это наяву, а то, что наяву, – это на самом деле в мечтаниях. Теперь понятно?

И вот так она однажды мечтала-мечтала и вдруг обнаружила, что не понимает, куда ее завели ноги и где она находится. Дело в том, что она отправилась погулять, вышла за калитку, а уж дорожка сама легла ей под ноги и повела-повела по себе. А Настя шла-шла по ней и мечтала. Вот, например, о том, что хорошо бы, чтобы у кита были ноги и он мог жить на суше. А у верблюда крылья, и он бы летал, как Пегас. Волк был бы маленький, как заяц, а заяц большой, как волк, и волк бы от него бегал со страху, как заяц. И вообще звери разговаривали бы, как люди, растения могли передвигаться, огонь бы не жегся, вода горела, а мальчики и девочки были бы волшебниками и могли творить чудеса. Причем чтобы добрые волшебники были сильнее злых, и злые боялись их, как... как... ну, как директора школы, вот так!

А потом она спохватилась, что уж слишком размечталась, пора возвращаться к реальности, но реальность оказалась совсем не такой, какой ей полагалось быть! Настя полагала, что должна сейчас находиться около зеленой калитки в зеленом заборе, за которым стоит небольшой зеленый домик, на калитке висит грозная надпись «Осторожно, злая собака!», хотя никакой собаки за зеленым забором отродясь не водилось, однако поблизости не было не только собаки (которой и не должно было быть), но и самого домика не было, и забора, и калитки! Ни зеленых, ни каких. Мало того. Вокруг вообще не было ни одного дома. Вокруг нее было поле, через которое и шла дорога. Неизвестно куда. То есть, конечно, сама дорога прекрасно знала, куда она идет, но Настя прежде никогда тут не бывала, и поэтому, естественно, ей было неизвестно, куда ведет дорога.

Что бы кто подумал, оказавшись в ее ситуации? Что он так размечтался – не заметил, как дома закончились, дорога вывела за поселок, и надо, развернувшись, срочно пускаться по ней обратно. Настя была девочкой умной и благоразумной, не то что Буратино, который таким себя только считал, и, разумеется, тотчас развернулась и пошла по дороге туда, откуда пришла.

Но вот что, однако, странно. Она шла-шла-шла, а поселок, где была дача, на которой она жила с бабушкой, все не появлялся. Ему точно пора было уже появиться, а его все не было. Не иначе, решила Настя, где-то, замечтавшись, она не заметила перекрестка и пошла не той дорогой. И сейчас опять не заметила и опять идет неверно.

Решив так, Настя снова развернулась и что есть сил дунула в обратном направлении. Она только прибавила себе внимательности, чтобы не пропустить того самого перекрестка. Она была так внимательна – она не пропустила бы не то что перекрестка, но даже муравьиной тропки, случись той пересечься с ее дорогой. Однако ни муравьиной тропки, ни пересечения с другой дорогой не было. Только поле и поле вокруг.

Настя поняла, что она заблудилась.

Что бы вы сделали на ее месте?

Правильно, вы бы не стали распускать нюни, плакать и рыдать, а взяли бы себя в руки и хорошенько вспомнили, чему вас учили в школе – как поступать в таких ситуациях. Тут-то бы и обнаружилось, что в школе вас этому не учили. В школе вас учили, что дважды два – это четыре, а слово «помидор» пишется через «о». Но в школе и предположить не могли, что кто-

то может замечаться до того, что потеряет ориентацию во времени и пространстве и забредет неизвестно куда. В школе учат, что кит живет в море-океане, верблюд ходит по земле и крыльев у него нет, а есть горбы и волк – опасный хищник, от которого бедный зайчик должен спастись, летя не просто опрометью, а сломя голову.

Вот и учись после этого на «отлично», подумала Настя, когда поняла, что в школе ей не дали знаний, как поступать в такой ситуации. Но долго думать об этом она не стала. Может быть, вы бы на ее месте в этот момент и начали плакать и рыдать, но Настя была девочкой умной и благоразумной и решила больше не метаться по дороге, а остановиться и ждать, когда кто-нибудь большой и взрослый пойдет по этой же дороге и укажет ей путь в поселок.

Решивши так, следом она решила сесть на пенек и съесть пирожок – подкрепиться, чтобы не потерять силы. Но, во-первых, ни на самой дороге, ни на ее обочинах поблизости не оказалось пенька, на который можно было бы сесть. А во-вторых, как оказалось, у нее не было и пирожка, которым можно было бы подкрепиться. Настя поискала в одном кармане своего красно-голубого клетчатого сарафана, пошарила в другом, и хотя карманы были довольно большими, пирожка не обнаружилось ни в одном.

Вот тут Настя уже растерялась. И даже почувствовала, что готова распустить нюни. Потому что без пенька еще можно было обойтись. А без пирожка, судя по тому, как заволновался желудок, обойтись уже было нельзя.

Впрочем, Настя была не только умной и благоразумной, но еще и сообразительной. Неподдалеку за полем благородно раскачивались на ветру кудрявыми шапками сосны чудесной рощи, а где сосны – там и земляника, а земляника – это тебе еще и получше всякого пирожка будет.

Я только землянички немножко поем, заморю червячка – и вернусь на дорогу ждать кого-нибудь большого и взрослого, определила для себя Настя и со всех ног пустилась через поле к сосновой роще.

Она была права: земляники в роще оказалось столько, что ею можно было досыта накормить целый класс. Или даже два. Если, конечно, это не старшеклассники и в классе нет обжор вроде Васи Петрова, который спокойно мог съесть два бутерброда с ветчиной, два с сыром, два круасана, запить это все большой кружкой йогурта, после чего еще умять пару бананов. Но так как в роще не было ни Васи Петрова, ни еще кого, то вся земляника досталась одной Насте, и она налопалась ею так, что прямо чуть не лопалась. Ей даже стало трудно дышать, вот как она налопалась. И стало даже немножко стыдно, что так налопалась – потому что этой земляники хватило бы на целый класс или даже на два, а она управилась с нею одна. Как-то это неэстетично, подумала Настя, прямо как какой-нибудь Вася Петров.

И только она подумала так, как увидела невдалеке цветок. Цветок был яркий, красно-фиолетово-голубой, с крупными лепестками, на высокой ножке – чудо какой цветок, сорвать такой цветок и украсить им волосы – да о таком только можно мечтать. Пойду сорву его и прикреплю к волосам, тотчас решила Настя. Тут надо сказать, что Настя, кроме того, что отлично закончила первый класс и любила помечтать, обладала еще и тонким эстетическим вкусом и прекрасно понимала, что обжираться, пусть и такой вкусной вещью, как земляника, некрасиво, а вот стать обладательницей такого чудесного цветка – это во всех смыслах похвально.

Решено – сделано, и Настя, как только что через поле в рощу, со всех ног бросилась к цветку. Но что такое? – она бежала, бежала, а цветок не приближался! Ей казалось, она уже десять раз должна была добежать до цветка, а он, как был на том расстоянии от нее, на каком она его увидела, так на том и оставался. Настя даже запыхалась – до того она быстро бежала, но цветок будто удалялся от нее – будто у него были ноги и он играл с нею в салки.

Настя остановилась. Ей это не понравилось – что она столько бежала, запыхалась, а цветок все оставался недостижимым. (Интересно, а кому бы это понравилось?) Она даже встала на цыпочки, чтобы удостовериться, что он там действительно есть, – в чем не было никакой нужды, потому что она и без всяких цыпочек прекрасно видела: он там стоит на своей

высокой ножке и чуть покачивается под ветерком, кивая своей чудесной разноцветной головкой.

Ну ладно, сказала Настя цветку, опускаясь с цыпочек, раз ты такой, то и я буду такой. Какой «такой», она и сама не знала, но надо же было что-то сказать этому красавцу, раз он так поступал с ней.

Тут надо непременно заметить, что эти слова она произнесла не про себя, а вслух. И довольно громко, потому что произнесла их не просто так, а *в сердцах*.

– Ой, ой, прямо боюсь тебя! – тут же услышала она насмешливый голосок.

Это было до того неожиданно, что Настя оглянулась – кто это ей отвечает. Она оглянулась, потому как перед нею никого не было, а значит, ей отвечал кто-то, кто находился сзади.

Однако и сзади никого не было.

Впору было испугаться, что за чудеса, но Настя, кроме всего прочего, была еще и не из пугливых.

– Эй, кто там где прячется, выходи! – сказала она отважно.

– А я нигде и не прячусь! – ответил ей голосок.

Настя замерла. Да кто это с ней разговаривал?!

– Прячешься-прячешься, – сказала она. – Если бы ты не прятался, я бы тебя видела. А я тебя не вижу. Или ты невидимый? А может, невидимая? Или невидимое?

– Я еще какой видимый, – сказал голосок. – Да ты на меня смотришь. Прямо сейчас. Видишь, как я шевелю лепестками? Я ими шевелю – и ты меня слышишь.

Если бы мы вам сейчас сказали, что Настя удивилась, это было бы неверно. Настя не удивилась. Ее оглушило-поразило-потрясло-ошеломило. Так это цветок с ней разговаривал! И раз он мог разговаривать, то он мог и ходить-бегать, – ничего удивительного, что она не смогла приблизиться к нему.

– Зачем ты от меня убежал? – упрекнула она цветок.

– А еще б нет! – воскликнул тот. – Ты ведь, наверно, хотела меня сорвать?

– Разумеется, – подтвердила Настя. – Для чего же еще цветы существуют, как не рвать их.

– А вот меня нельзя рвать, – сказал цветок.

– Интересно! – воскликнула теперь Настя. – Это почему же? Ты что, особенный?

– Правильно, – кивнул цветок. – Особенный.

– Может, волшебный? – спросила Настя с иронией. Хотя ирония ее была неуместна. Потому что каким еще мог быть цветок, умеющий разговаривать, как не волшебным.

– А ты что, еще ничего не поняла? – вместо ответа спросил теперь цветок.

Но Настя уже все поняла. Она была весьма сообразительной и поняла бы все гораздо раньше, если бы ее живот не был до такой степени отягощен слопанной земляникой. Она огляделась по сторонам и увидела, что, пытаясь догнать цветок, забралась в лес так далеко – не видно края, и теперь не известно, в какую сторону идти, чтобы выйти.

– Помоги мне, – попросила она цветок. – Как мне отсюда выбраться? А то я, кажется, заблудилась.

– Да-а? – Цветок так прямо и протрепетал лепестками в язвительной насмешке. – С какой это стати? Ты меня хотела сорвать, а я тебе – помоги?

– Я же не знала, что ты волшебный, – повинулась голосом Настя.

– А если не волшебный, так можно? – еще язвительнее протрепетал лепестками цветок.

– Ну, ты же хороший! – попробовала Настя задобрить его. – Ты же не можешь оставить человека в беде.

Лепестки у цветка сотряслись в хохоте. Если бы он был человеком, можно было бы сказать, что его прямо согнуло от хохота.

– Что?! – восклицал он. – Я хороший?! Это я-то не могу оставить в беде? Еще как могу! Да я тем только и занимаюсь, что оставляю в беде. Завожу туда – и там бросаю. Напомнить тебе, почему ты заблудилась?

Вот тут, наконец, Насте стало страшновато. Получается, цветок специально завел ее в глубину леса, а не просто потому, что боялся, как бы она его не сорвала? Но она не подала виду, что испугалась. Потому что, кроме всего прочего, была девочкой смелой. А смелость, должны мы вам заявить, не в том, чтобы не испугаться, испугаться может самый распоследний смельчак, а в том, чтобы не поддаться страху.

– Ну и что? – проговорила она самым небрежным тоном, словно внутри у нее ничего не дрогнуло. – Зачем это тебе нужно, чтобы я заблудилась? Совсем тебе это не нужно.

– Мне?! Не нужно?! – воскликнул цветок. Будто убеждал себя, что ему это было очень нужно – чтобы она заблудилась. – Почему это ты думаешь, что не нужно?

– Потому что ты хороший, – повторила Настя. Она ничуть не подлизывалась к цветку. Она была уверена, что такой красивый цветок не может быть плохим. Хотя, конечно, очень может быть, что он и в самом деле специально завел ее в лес.

– Это почему это я хороший? – поинтересовался цветок. – Это с чего ты взяла? – Словно он и в самом деле считал себя плохим, но ему ужасно хотелось быть хорошим.

– Потому что ты красивый, – сказала Настя. – Красивое не может быть плохим.

Сказала – и испугалась того, что сказала: цветок вдруг поник головкой, красно-фиолетово-голубые лепестки его обвисли – казалось, еще немножко, и он прямо на глазах пожелтеет.

Но цветок не пожелтел. Внезапно он выпрямился, вскинул головку, расправил лепестки и выругался, как какой-нибудь Петька Васин с последней парты, который даже на вопрос учительницы Варвары Ивановны не мог ответить без грубого слова. «А чё это я-то, чё это вы меня спрашиваете, будто никого другого в классе нет?!» – так обычно он начинал ответ, когда Варвара Ивановна поднимала его с парты.

– Заладила-заладила: хороший, красивый! – выругался цветок. – Сорока Якова одно про всякого! Может, и красивый, а нехороший!

Красно-фиолетово-голубой вихрь поднялся на месте, где был цветок. На Настю словно пахнуло жаром, она отшатнулась, а когда пришла в себя, там, где стоял цветок, его не было. Она посмотрела направо, посмотрела налево, глянула назад – нигде не было. След простыл, говорят в таких случаях.

Глава вторая. Чур-чур, скатерть-самобранка и всякое другое

Вот тут, когда говорящий цветок исчез, как его и не было, Настя и ущипнула себя. Чур-чур меня, сказала она. Этими словами, как известно, положено приводить себя в чувство, чтобы все вещи встали на свои места и все пошло как положено. Но не тут-то было.

Только она ущипнула себя и произнесла «чур-чур», как за спиной у нее хрипло прокашляло:

– Тут я!

Настя мигом повернулась – шагах в трех от нее невысоко над землей, чуть касаясь концов травы, в воздухе висело странное существо, похожее на шмеля. Оно было мохнатое, как шмель, так же переливалось черно-фиолетово-золотистыми цветами, так же басовито гудело, только больше шмеля раза в три – с ее кулак, примерно так, – и не поймешь, есть у него голова или нет: там, где ей вроде бы полагалось быть, – ни носа, ни ушей, ни рта, только маленькие, словно бусинки, глазки.

– Ой! – вырвалось невольно у Насти. И невольно она отступила назад. Сколько у тебя смелости ни будь, а увидеть такое непонятное создание, что и говорить, – кожа возьмется мурашками.

– Что моя госпожа и повелительница пожелает? – отозвалось между тем на ее вскрик существо, похожее на шмеля, но явно не шмель.

– Какая госпожа и повелительница? – спросила у существа Настя.

– Ты моя госпожа и повелительница, – ответило существо. – Ты звала меня – и вот он я здесь!

– Я? Тебя? – удивилась Настя. – Никого я не звала.

– Как это не звала? – прокашляло существо. Это оно так говорило – будто кашляло. – А кто сказал «чур-чур»?

– Я и не отпираюсь, что сказала «чур-чур», – согласилась Настя. – А при чем здесь ты?

– Странно! – В голосе существа прозвучала обида. – При чем здесь я, когда меня позвали. Уж если ты «Чур-чур», так кем еще можешь быть?!

Котелок у Насти быстро-быстро закрутил всеми своими шариками и роликами, и она ахнула:

– Так ты «Чур-чур»?

– Я Чур-чур, собственной персоной. – Теперь кашляющий голос существа исполнился удовольствия. – Что моя госпожа и повелительница желает? Скатерть-самобранку? Ковер-самолет? Сапоги-скороходы? Или, может быть, топор-саморуб?

– Подожди-подожди! – Хотя котелок у Насти варил на всех оборотах, так что его можно было даже сравнить с компьютером самой последней модели, она все же не могла так вот сразу переварить то, что выдал Чур-чур. – Почему ты считаешь, что я твоя госпожа и повелительница? Ты не ошибаешься?

– Ну ты же меня позвала, – сказал Чур-чур. – Раз ты меня позвала, значит, ты моя госпожа и повелительница. Какая тут может быть ошибка?

Все было логично, все правильно – Насте пришлось с ним согласиться.

– И у тебя есть скатерть-самобранка, и ковер-самолет, и все прочее-прочее? – недоверчиво спросила она.

Чур-чур недовольно покашлял.

– Почему у меня? Я на чужое добро не претендую. Это все твое. Я только храню. А когда тебе нужно – только скажи, тут же будет в твоём распоряжении.

Настя смотрела на Чур-чур и, хотя он собственной персоной висел тут перед нею в воздухе, не могла поверить в то, что он говорил.

– А что, вот скажу «Поддай скатерть-самобранку» – и подашь? – спросила она.

– И подам, – подтвердил Чур-чур.

– Тогда подавай, – распорядилась Настя.

Не успела она договорить, как на траве перед нею расстилалась белейшая льняная скатерть с длиннющими кистями и тисненым узором, вся уставленная большими и маленькими блюдами разнообразных форм, прикрытыми крышками, а Чур-чур, громко гудя, летал над скатертью, снимал крышку с одного блюда, с другого, показывал Насте, что там, и комментировал:

– Форель речная печеная. Картошечка отварная с маслом сливочным и свежим укропчиком. Гусь жареный с яблоками. Утка по-пекински. Индюшатины кусочками в кисло-сладком соусе по-тайски...

Но Насте, вместо того, чтобы истечь слюнками, стало аж дурно. Не будем забывать, что она съела столько земляники, сколько хватило бы на целый класс. Правда, если бы не было обжоры Васьки Петрова.

– Ой, убери, убери, убери! – замахала она на Чур-чур руками.

– Твое дело, как хочешь, – с обидой отозвался Чур-чур, но скатерть тут же исчезла. Словно ее тут и не было. Словно она только привиделась Насте.

Насте тотчас так и подумалось. И она решила проверить, привиделось или нет.

– А вот если бы топор-саморуб? – проговорила она неуверенно.

– Ну, если нужен, – прокашлял Чур-чур, как проворчал.

И в тот же миг на земле перед Настей лежал топор. С длинным удобным топорщиком, и сразу видно – острый, как бритва: так у него сверкало лезвие.

Топор Насте решительно был не нужен. Но ей захотелось удостовериться, что он действительно есть, а ей это не кажется. Она нагнулась, дотронулась до топорщика – пальцы ее коснулись гладко оструганного дерева. Она взялась за топорщик – и руки ее ощутили вес. Неизвестно, как скатерть-самобранка, а топор ей не казался, топор был самый настоящий. Оставалось только опробовать его в деле. Настя уже стала вспоминать, что там говорят в сказках, чтобы отдать топорю приказ рубить деревья, но Чур-чур, будто услышал Настины мысли, остановил ее:

– Погоди-погоди, – прокашлял он с беспокойством. – Ты что рубить собралась?

– Как что? – удивилась Настя. – Что топором рубят. Деревья.

– А что у тебя за нужда, чтобы рубить их?

– Да какая нужда, при чем здесь нужда, – сказала Настя. – Что уж, пару раз по дереву ткнуть нельзя? На что топор, если им ничего не рубить?

Чур-чур загудел так, будто был электросваркой, еще мгновение – и заплещется огненными искрами.

– Ну нет, – сказал он сердито. – Так просто рубить ничего нельзя. Если так просто рубить, мы весь лес вырубим. И останемся без защиты. Лес – это наша защита. Не лес бы, так Король-обжора давно бы до нас добрался, всех сварил-зажарил, косточек не оставил.

– Погоди-погоди, – остановила теперь его Настя. – Какой король? Откуда у нас короли взялись? Это ты фантазируешь, да?

– Очень интересно, я фантазирую! – Чур-чур закашлял-загудел так, будто работала не одна электросварка, а сразу две одновременно. – Может быть, ты скажешь, что и Цветок-невольник – моя фантазия?

– Какой-такой Цветок-невольник? – не поняла Настя.

– Который тебя сюда, в самую чашобу завел.

– А, так его зовут Цветок-невольник, – догадалась Настя. – А почему его, интересно, так зовут?

– Так ты что, ничего не знаешь? – спросил Чур-чур. – Ни про Короля-обжору, ни про его Главного министра, ни про Евгения Анатольевича с Варварой Ивановной, которых Король-обжора держит в невидимой избушке на курьих ножках?

– Директора нашей школы Евгения Анатольича?! – воскликнула Настя. – А Варвара Ивановна – нашу учительницу зовут.

– Какой директор школы, какая учительница! – рассердился Чур-чур. – Что за невежество! Если бы ты не была моей госпожой и повелительницей, я бы с такой невеждой и разговаривать не стал!

– Чур-чурчик, миленький, извини! – Хотя Настя совсем не была подлизой, она сочла, что сейчас совсем не помешает быть с Чур-чуром поласковой. – Я что-то все забыла. Не мог бы ты мне рассказать. Вот, возьми топор, – протянула она тот Чур-чуру, – положи на место и расскажи.

– Положи на место, положи на место, – проворчал Чур-чур. Топор, однако, рванулся из рук Насти, будто его кто-то выхватил у нее, и вот уже его не было – будто он растворился в воздухе. – Слушай, раз забыла, – прокашлял Чур-чур.

Глава третья. Рассказ Чур-Чура

О, моя госпожа и повелительница, как мы раньше хорошо жили! Нами правил мудрый и добросердный лесной староста Евгений Анатольевич. А в секретарях у него ходила милейшая и добрейшая Варвара Ивановна. В шутку мы называли его Кощеем бессмертным, а ее Баба-яга костяная нога. Надо сказать, что Евгений Анатольевич и в самом деле был высок и худ, но это не оттого, что он прожил тысячу лет и весь высох, как мумия, а потому что был хорошим спортсменом, каждое утро бегал в тренировочном костюме по лесным дорожкам, делал гимнастику и даже занимался силовыми упражнениями со штангой и гирями. А Варвара Ивановна уж никак не напоминала Бабу-ягу: она была молодой, румяной, задорной, с модной мелированной стрижкой, любила шутку и песни; когда она пела, умолкали даже соловьи, не то что там малиновки и всякие трясогузки; умолкали они не из подхалимства, а из чувства глубокой любви и уважения, а также признательности за ее исполнительское мастерство.

Если между какими-нибудь зверями или птицами возникали конфликты (ну, там из-за норы-берлоги, гнезда, жучка-червячка), они знали: нужно сразу же обратиться к Варваре Ивановне Бабе-яге. Она запишет на прием к Евгению Анатольевичу Кошеем бессмертному, и не пройдет десяти минут, как Евгений Анатольевич Кашей бессмертный примет спорщиков в своем кабинете под тысячелетним дубом (на самой красивой поляне леса), рассудит по-справедливости и еще выдаст справку с печатью, которой удостоверит, что в споре такого-то и такого прав тот-то и другой не может иметь к нему никаких претензий, а если вдруг начнет их предъявлять, то будет иметь дело с ним, Евгением Анатольевичем Кошеем бессмертным, отчего радости тому, кто предъявляет претензии, не будет никакой. Иметь дело с Евгением Анатольевичем Кошеем бессмертным не хотел никто, и потому у нас в лесу царили мир и благоденствие, и даже волки вынуждены были перейти на вегетарианский рацион, потому что зайцы постоянно подавали на них Евгению Анатольевичу жалобы, а тот, как и положено доброму и мудрому повелителю, становился на сторону слабого. Вследствие этого, надо заметить, зайцы обнаглели до такой степени, что задирали волков и обзывали их всякими обидными словами при всяком удобном случае и при всем честном народе, а волки все терпели, не перечили им и только облизывались, по-голодному сверкая глазами.

Лес наш хотя и велик, все же обозрим, и с одной стороны его омывает море-океан, на который гармония нашей лесной жизни оказывала самое благоприятное воздействие. У нас были дружеские связи со всеми обитателями море-океанских глубин, кит выплывал из них, подплывал к берегу, и на его широкой спине катались по голубому простору кто хотел: и те же зайцы с волками, и лисицы, и синицы, и куропатки, и даже дед медведь не брезговал таким удовольствием – главное было уговорить его оторваться от бочонка с медом.

С другой стороны наш лес соседствует с великой, бесконечной степью, и оттуда к нам любил приходиться корабль пустыни – верблюд. Он сажал себе между горбами столько лесной братии, сколько могло уместиться, и устраивал для нее степные прогулки, которые по впечатлениям могли бы сравниться с путешествием в самые экзотические чуждадельные страны.

А когда к нам забредали охотники с ружьями, собираясь здесь вволю пострелять и набить дичью полные ягдташи, Евгений Анатольевич Кошей бессмертный с Варварой Ивановной Бабой ягой наряжались в соответствии со своими прозвищами и в таком виде выходили им навстречу. После этой встречи всякое желание поохотиться в нашем лесу у охотников исчезало, и они убирались восвояси.

Раздолье было и лешим с кикиморами, и водяным с русалками. Они у нас считались исчезающим видом, были занесены в Красную книгу, строго-настрого запрещалось ругаться и дразнить кого бы то ни было их именами, а над ними самими подшучивать, мутя воду в болотных бочажинах или наряжась во всякие невиданные одежды из травы и листьев и крича нече-

ловеческими голосами. Лешие с кикиморами и водяные с русалками, почувствовав к себе такое доброе отношение, тоже подобтели, перестали путать дороги, устраивать засады из непроходимых болот и заводить в чащу...

– А вот Цветок-невольник меня завел сюда! – не удержалась в этом месте рассказа Чур-чур Настя.

– Не торопись, моя госпожа и повелительница, выслушай – и все поймешь, – остановил ее Чур-чур.

И он продолжил свой рассказ.

Но в один прекрасный день в лесу появился Король-обжора. Правда, никто его тогда так не звал, все его звали просто Обжора. Потому что поесть он любил – дай Боже. Мог за один присест съесть барана, ягненка и еще поросенка. Запить это все двухлитровой бутылкой росы, после чего наверх средних размеров бочонок фруктового мороженого. Сначала все, глядя на него, думали, что он отъедается после прежней голодной жизни, даже восхищались его аппетитом, и Евгений Анатольевич Кощей бессмертный тоже так думал и восхищался. У, силен полопать, говорил он.

Евгений Анатольевич Кощей бессмертный и ввел Обжору в лесную общину. Это произошло так. Евгений Анатольевич Кощей бессмертный, одетый в тренировочный костюм, совершал по лестным дорожкам свою обычную утреннюю пробежку трусцой, и вдруг откуда-то из кустов до него донеслись странные звуки – будто бы кто-то жалобно хныкал. Что было весьма удивительно, так как в нашем лесу царило полное благополучие и хныкать было просто некому.

Евгений Анатольевич Кощей бессмертный остановился и заглянул под кусты. И увидел, что там сидит тощий оборванный, чумазый-пречумазый мальчишка и из глаз у него льется в два ручья. Евгений Анатольевич Кощей бессмертный не был бы Евгением Анатольевичем Кощеем бессмертным, если бы тут же не вытащил мальчишку из кустов, не привел его к себе, вымыл-накормил, спать уложил, а когда тот выспался и проснулся, не расспросил бы его, кто он такой и что делал в нашем лесу.

Мальчишка рассказал ему, что он круглая сирота, ходит-бродит по белу свету и нигде не может найти места, где бы ему жилось хорошо и счастливо. И вот так однажды он шел-брел – и попал в наш лес, и заблудился в нем, и думал, что уже никогда из него не выберется – сел под куст и заплакал.

– А я, когда поняла, что заблудилась, я не захныкала! – воскликнула в этом месте рассказа Чур-чур Настя.

Чур-чур как-то странно посмотрел на нее, ничего не ответил и продолжил:

– В общем, Евгений Анатольевич Кощей бессмертный оставил мальчишку жить в нашем лесу. И не просто в лесу, а прямо с собой, в своем тереме-невидимке.

– Каком-каком? – перебила Чур-чур Настя. – Невидимке? – И засмеялась. – Такие только в сказке бывают.

– А бегающие цветки тоже только в сказке бывают? – строго спросил ее Чур-чур. – А скатерти-самобранки? А топоры-саморубы? Еще скажи, что и меня на свете нет. Только тогда ответь, с кем ты сейчас разговариваешь?

Это было очень убедительно, и Насте ничего не оставалось делать, как признать свою неправоту.

– Чур-чур, миленький, извини, – сказала она. – Не сердись на меня. Ты только ответь тогда еще на один вопрос.

– Ну-ну? – милостиво согласился, чтобы она задала свой вопрос, Чур-чур.

– Но тогда получается, раз у Евгения Анатольевича Кощей бессмертного был терем-невидимка, то он был волшебником?

Чур-чур посмотрел на нее с восторгом и радостью. Да-да, именно радость, отметила для себя Настя, была в его взгляде.

– Мне необыкновенно приятно, что моя госпожа и повелительница столь догадлива – произнес Чур-чур.

Да, Евгений Анатольевич Кощей бессмертный действительно был волшебником, повел Чур-чур свой рассказ дальше. А как бы иначе он заставил волков обходить стороной зайцев, кита катать в море-океане на спине всякое лесное зверье, а верблюда по доброй воле совершать с тем же лесным зверьем между горбами дальние степные путешествия? И его секретарь Варвара Ивановна Баба-яга костяная нога тоже была волшебницей, иначе как бы она работала секретарем у Евгения Анатольича Кощей бессмертного?

Но они были добрыми волшебниками, и от их волшебства всем было хорошо. А вот Обжора оказался злым волшебником.

Нет, когда он появился в лесу и стал жить в тереме-невидимке с Евгением Анатольевичем Кощеем бессмертным, он еще не был волшебником. Он только здоров был полопать. Он уже задыхался, у него живот был, как барабан, и глаза вылезали на лоб от сытости, а он все лопал и лопал. И ни с кем не хотел делиться. Даже когда в него уже совсем ничего не лезло. Тогда все и поняли, что он обжора, и стали так его и звать: Обжора. И поняли, что он не просто обжора, а еще и дикая жадина. И Евгений Анатольевич Кощей бессмертный тоже это понял, но он был добрый, и ему было жалко Обжору. Он так настрадался в жизни, говорил Евгений Анатольевич Кощей бессмертный.

А Обжора, живя с Евгением Анатольевичем Кощеем бессмертным в тереме-невидимке, обучился всем премудростям волшебства, все перенял, во всем поднаторел – да Евгений Анатольевич Кощей бессмертный сам же его и учил, собственноручно раскрывал тайны своего мастерства. Ему не жалко было. Он был добрый.

Но Обжора в отличие от него добрым не был. Жадные люди добрыми не бывают. И так как он был от природы жадный, то и волшебник из него вышел злой.

Решив, что сравнялся в силе с Евгением Анатольевичем Кощеем бессмертным и Варварой Ивановной Бабой-ягой, он улучил момент, когда они оба крепко спали, заковал их в цепи, закрыл невидимым волшебным ключом на невидимый замок в невидимой избушке на курьих ножках, а тот ключ спрятал неведомо где, чтобы никто не мог освободить его пленников. Себя Обжора объявил королем, вызвал оттуда, где жил до леса, себе в помощники какого-то своего друга детства, страшного грубияна и сквернословия, и велел называть его Главным министром.

А раз волшебник Обжора был злой, то и все его волшебные дела были только злыми. Кита он наградил лапами, заставил жить на суше и использует теперь как свой персональный автомобиль, разве что иногда дает покататься на нем Главному министру. У верблюда по его милости отрасли крылья, и бедный верблюд из корабля пустыни превратился в личный вертолет Обжоры. В воду стало опасно бросить спичку, потому что вода стала гореть, как какой-нибудь бензин-керосин. Но у огня стало невозможно согреться, потому что огонь перестал быть горячим. Несчастных волков он вообще сделал маленькими, как зайцы, зайцев же – большими, как раньше волки, и зайцы теперь гоняют волков, будто волки, а волки бегают от зайцев, как зайцы.

Глава четвертая. Настя принимает решение

– Подожди, подожди! – снова перебила Настя Чур-чура. – Вода не горит, огонь не жжется, волки бегают от зайцев, как зайцы... Так ведь это же мои фантазии! И про кита с ногами, и верблюда с крыльями!

– Вот, значит, и нафантазировала, – прокашлял Чур-чур. Ты фантазировала, а мы отдувайся.

– Но я же не волшебница, чтоб мои фантазии превращались в реальность! – воскликнула Настя.

– Волшебница, не волшебница, – проворчал Чур-чур. – Никто не знает, волшебник он или не волшебник, пока дело не дойдет до дела.

– Да нет же. – Настя даже рассердилась. Что этот Чур-чур позволял себе со своей госпожой и повелительницей! Конечно, она бы ничего не имела против того, чтобы быть волшебницей, но она же знала про себя, что она самая обычная девочка. Конечно, отличница, но отличница – это совсем не то же самое, что волшебница. – Я самая обычная девочка, хватит выдумывать!

Чур-чур, летая перед ней, загудел, как три электросварки разом. Похоже, он рассердился даже сильнее, чем Настя.

– Хватит отпираться, моя госпожа и повелительница! Если ты не волшебница, как ты вызвала меня? Знаешь, сколько всякие-разные меня призывают? И что? Тут я к ним прямо и являюсь! Да хоть посиней они, призывая меня, я их и не услышу!

Это было убедительно. Это было так убедительно, что Настя сразу и убедилась.

– Но раньше я не была волшебницей, – сказала она. Она была девочкой честной и серьезной и не хотела выглядеть кривлякой-обманщицей.

– Была, была. – Если бы у Чур-чура имелась голова, то на этих словах ей бы было положено прокивать с важным видом, как это обычно делают люди, чтобы придать своим словам весомости. – Просто раньше дело не доходило до дела, где бы требовались твои способности, а теперь вот дошло.

Настя чуточку помолчала, обдумывая слова Чур-Чура.

– Так я, значит, могу заколдовать, чтобы мне раз – и вернуться на дачу к бабушке! – радостно воскликнула она затем.

– О, моя госпожа и повелительница... – Казалось, Чур-чур повинно склонил голову. – У тебя это не получится.

– Почему? – удивилась Настя. – Раз я волшебница.

Чур-чур виновато похмыкал.

– Позволь мне объяснить тебе, моя госпожа и повелительница. Ты волшебница, это так. Иначе бы ты не сумела меня вызвать. Но твоя волшебная сила – во мне. Без меня ты бессильна. Я бессильна без тебя, а ты бессильна без меня.

– Так за чем дело стало? – Настя не очень-то вдумалась в смысл его слов. – Если я не могу без тебя, значит, я приказываю тебе: сделай так, чтобы я снова оказалась у бабушки на даче!

Жужжание, которое издавал Чур-чур, сделалось едва слышимым. Можно было предположить, он бы хотел стать невидимым. Исчезнуть с Настиных глаз долой. Но она была его госпожой и повелительницей и не отдавала ему такого приказа, и он не мог исчезнуть.

– О, моя госпожа и повелительница, – произнес он слабым голосом. – Это единственный твой приказ, который я не могу исполнить.

– Почему? – снова удивилась Настя. – Раз я твоя госпожа и повелительница, ты обязан мне повиноваться.

– Да, моя госпожа и повелительница, – тем же слабым голосом отозвался Чур-чур, – я обязан тебе повиноваться. Но исполнить этот приказ – сверх моих сил.

– Это еще что за капризы?! – Настя начала входить во вкус госпожи и повелительницы. – Должна же я как-то оказаться дома?

– Да, моя госпожа и повелительница, непременно должна, – подтвердил Чур-чур. – Но только после того, как освободишь наше лесное братство от Короля-обжоры и его Главного министра.

– Что?! – вскричала Настя. – Это еще что за условие? Да бабушка, наверное, уже меня ждет волнуется, не знает, куда я запропастилась!

Чур-чур весь заиграл-запереливался разными цветами, словно заволновался, вытянулся, превратившись в веретено, сжался в прежний мохнатый комок, похожий на шмеля без головы, без лапок, без крыльев, только с глазками, и проговорил:

– Да, бабушка, куда ты запропастилась, конечно, не знает.

– Вот видишь! – воскликнула Настя. – И после этого ты отказываешься выполнять мой приказ?!

– Я не отказываюсь выполнять его, – сказал Чур-чур. – Я просто откладываю его исполнение. Ведь нужно же спасти лесное братство от Короля-обжоры.

– Но почему именно я?! – Настя уже не на шутку рассердилась на Чур-чура. Слишком своенравным был ее слуга. – Что, никто другой не может?

– Именно, – тотчас подтвердил Чур-чур. И, не дожидаясь нового вопроса Насти, поспешил с объяснениями: – Королю-обжоре известно – и от Кита с Верблюдом, которые подслушали разговор Короля-обжоры с Главным министром, это стало известно всему лесу, – что его сможет победить девочка по имени Настя. Только она, и больше никто. С какими-какими именами девочки к нам не забредали! Была даже одна, которую звали Яздундокта. Но что проку от редкого имени. Мы ждали Настю. А тебя все не было и не было. И вот мы тебя дождались. И что же, когда, наконец, мы тебя дождались, ты сможешь вот так взять и оставить нас в беде?

Чур-чур мог не задавать этого вопроса. Для Насти уже все было решено. Нет, она не могла оставить в беде лесное братство.

– Я готова, – сказала она Чур-чуру. – Что нужно делать? Знаешь?

– О, моя госпожа и повелительница, благодарю! – воскликнул Чур-чур. Если бы у него были руки, то он бы, наверно, благодарно скрестил их перед собой на груди. – Низкий тебе поклон от всего лесного братства! – Следом, однако, в голосе его появилась виноватость: – Но если бы я знал, что делать! Я не знаю. Я только знаю, что помочь нам может девочка по имени Настя. Больше я не знаю ничего.

– Ага! – сказала Настя язвительно. – Послать Цветок-невольник, чтобы он заманил меня в лес, – это мы живо. А вот что делать – это мы не знаем.

– Не знаем, – снова повинился Чур-чур. И тут же загудел электросваркой: – Но Цветок-невольник посылал не я. Я над ним власти не имею. Он ведь невольник Короля-обжоры. Ах, если б ты знала, какой это был чудный цветок раньше. Он был общим любимцем нашего леса! Все приходили к нему и любовались им целыми часами, а он шелестел под ветерком своими прекрасными лепестками и спрашивал: «Я весь виден, вам так удобно? Если вам плохо видно, вы скажите, я к вам подойду поближе». Вот такой он был не просто красивый, но и деликатный.

– Что-то я не заметила в нем никакой деликатности, – фыркнула Настя.

– Ну я же говорю, таким он был раньше. А теперь, когда Король-обжора его заколдовал, он стал совсем другим, это правда. Он вынужден исполнять волю Короля-обжоры, а ему совсем не хочется.

– Так это Король-обжора послал его ко мне? – догадалась Настя.

– А кто же еще! – воскликнул Чур-чур. – Король-обжора боится тебя, потому что ему известно, что конец его власти может положить девочка Настя, и вот он послал Цветок-невольник, чтобы тот заманил тебя поглубже в лес и ты заблудилась. Сейчас Король-обжора уже ищет тебя, чтобы заковать в цепи, заточить в невидимую избушку на курьих ножках и тем утвердить в нашем лесу свою власть навечно.

– Меня? В цепи? Заточить? – Настя не поверила своим ушам. Еще никогда в жизни ничего такого ей не угрожало. Она, конечно, знала, что в мире хватает плохих людей, но чтобы столкнуться с этими людьми ей!..

– Да, – ответствовал Чур-чур, – Король-обжора очень боится тебя и не остановится ни перед чем. Ему уже известно, что Цветок-невольник завел тебя в лес, и он думает, ты уже у него в руках. Он же не знал, что ты позовешь меня.

– Да я и сама не знала, – честно призналась Настя. – Я это просто так сказала. А ты и появился.

Чур-чур похихикал.

– Это ты думаешь, что просто так. А на самом деле это твоя волшебная сила произнесла за тебя.

Настя не успела ему ничего ответить. В лесу вдруг раздался страшный треск, заходили вдалеке из стороны в сторону, словно их раскачивало ураганным ветром, сосны, – что-то громадное, черное и блестящее двигалось между ними, расталкивая стволы боками.

Прежде чем Настя поняла, что это, Чур-чур закричал:

– Главный министр на ките-автомобиле! Сейчас и сам Король-обжора появится!

Кроны сосен над головой в этот миг и в самом деле заплескались волнами. Это в небе появился крылатый верблюд. Он взмахивал крыльями, словно какой-нибудь орел, и от крыльев исходили мощные потоки воздуха. А между горбами у него сидел кто-то большой, толстый, с громадным животом, страшно на кого-то похожий, и кричал сладким голосом:

– Настя! Настенька! Дорогая моя! Как я рад тебя видеть! Вот, наконец, увиделись!

– Чур-чур, миленький, что же делать?! – Настя испугалась, замахала руками и зачем-то раза два даже подпрыгнула на месте. Интересно, и кто бы не испугался, не замахал руками и не подпрыгнул на месте хотя бы два раза, как он ни будь смел, если знаешь, что этот большой и толстый собирается заковать тебя в цепи? – Чур-чур, миленький, надо спастись, бежать!

– Спастись надо, а бежать ни в коем случае, – спокойно ответил Чур-чур. С этими словами он извлек из воздуха какой-то громадный мятый-пермятый, страшного вида малахай и помахал им перед Настей. – Шапка-невидимка, слыхала о такой?

– Слыхала! – с восторгом ответила Настя, все поняв.

– Король-обжора хоть и волшебник, а против шапки-невидимки бессилён. – Чур-чур потряс малахаем, растянул его так, чтобы они могли уместиться под ним вдвоем, и позвал Настю к себе поближе: – Ну, ныряй!

– Не надевай! – завопил Король-обжора с неба. – Не надевай, тебе говорю! Не смей!

Но Настя уже ступила к Чур-чур, поднырнула под малахай, и по тому, как закрутил во все стороны головой Король-обжора на верблюде, поняла, что он больше не видит их.

Глава пятая. Под спасительной шапкой

Король-обжора огрел верблюда плеткой, верблюд перестал взмахивать крыльями, распахнул их во всю ширь и спланировал на землю. Он спланировал очень мягко – сел, как пушинка, но Королю-обжоре не понравилось, как верблюд это сделал, и он снова ударил верблюда плеткой.

– Что, козел такой, хочешь, чтоб я свой драгоценный копчик отбил?! – прокричал он.

– Я не козел, а верблюд, – попытался отстоять свое достоинство верблюд, но только получил плеткой еще раз.

– Еще раз так приземлишься, запорю до полусмерти! – проорал Король-обжора.

– Какой злой! – с негодованием проговорила Настя гудевшему рядом с ней Чур-чур.

– Да, мало что обжора, так еще и злой, – подтвердил Чур-чур.

Они с Настей, спрятавшись под шапкой-невидимкой, отбежали с полянки, на которой стояли до того, к ее краю, чтобы Король-обжора со своим Первым министром случайно не наткнулись на них, и для верности даже зашли за ствол сосны.

– Сейчас станут нас ловить. – сказал Чур-чур Насте. – Вот потеха-то будет!

Настя не поняла его.

– Что же здесь потешного? – строго спросила она. Она помнила, что Король-обжора собирается сделать с ней.

– А вот увидишь, увидишь, – пообещал ей Чур-чур.

На поляну из леса, расталкивая своим большим черным телом сосны, выбрался кит. И Главный министр, сидевший на нем с вожжами в руках, как и Король-обжора, тоже кого-то отчаянно напоминал Насте, только она не могла понять, кого.

– Добрался наконец! – закричал на него Король-обжора. – Долго добирался! Упустили девчонку!

– Не извольте беспокоиться, ваше величество! – заверещал Главный министр. Натянул вожжи, останавливая свой лимузин, соскочил на землю и принялся шарить в карманах просторной кожаной куртки, в которую был одет, – будто что-то искал там. – Под шапкой-невидимкой вдвоем далеко не уйдешь – неудобно. Где-нибудь здесь спрятались. Сейчас поймем, как миленьких! И ее, и ту жужжалку с шапкой. Эту жужжалку давно пора изловить и о колено пополам, надоела до чертовой матери!

– Жужжалка – это ты, что ли? – давась со смеха, спросила Настя Чур-чура.

– Кто ж еще-то, – горделиво ответил Чур-чур. – Ух, я Королю-обжоре поперек горла стою! Знал бы мое имя – давно меня служить себе заставил. А так – ну никак. Знает про меня – да зелен виноград.

«Зелен виноград» – это Насте было понятно. Басни дедушки Крылова она читала. Непонятно было, почему Король-обжора, знай он имя Чур-чура, заставил бы его служить себе.

Об этом она Чур-чура и спросила.

Чур-чур у нее около уха вздохнул и покашлял.

– Так как же, – сказал он. – Кто меня из наделенных волшебной силой позвал – того я и слуга. Тот мой господин и повелитель.

– И ты бы мог служить Королю-обжоре, как мне? – с возмущением спросила Настя.

Чур-чур снова вздохнул и покашлял. Вернее, на этот раз сначала он покашлял, а потом вздохнул.

– Что поделаешь, моя госпожа и повелительница, – проговорил он. – Такова моя доля. Только тебе я служу с радостью, а ему бы служил с горечью.

У Насти была еще куча вопросов к нему, но тут Главный министр, перестав шарить в карманах, вскинул руку с оттопыренным указательным пальцем вверх.

– Они здесь, ваше величество! – воскликнул он. – Я слышу их голоса, они здесь!

Шапка-невидимка укрыла Настю с Чур-чуром от глаз Короля-обжора и Главного министра, но спрятать их голоса она не могла.

– Доставай тогда свою сеть, не тяни! – закричал Главному министру Король-обжора.

– Достаю, ваше величество! – отвечивал Главный министр, извлекая наконец из кармана то, что там нашаривал.

Это, оказывается, была сеть! Типа той, какими рыбаки ловят рыбу. Только рыбой должны были стать Настя с Чур-чуром.

– Потеха начинается! – объявил Насте Чур-чур.

Главный министр метнул сеть. Должно быть, слух у него был отменный, – он метнул сеть точно в направлении Насти и Чур-чура. И если бы они не спрятались за ствол сосны, сеть бы непременно накрыла их. А так она налетела на ствол и свилась по нему на землю.

– Ой! – вырвалось невольно у Насти.

– Ага! – вскричал Король-обжора. – Они здесь!

И бросился к сосне на Настин голос, широко разведя руки, чтобы поймать ее.

Настя было рванулась в сторону, но Чур-чур ее удержал.

– Подставь ножку, – прошептал он ей на ухо.

Настя послушалась и, когда Король-обжора со своими расставленными руками подбежал к сосне, выставила ему навстречу ногу. Король-обжора так и полетел кубарем. Полетел он не куда-нибудь, а прямо на сосну и ударился о нее не чем-нибудь, а прямо лбом. Какой стук раздался в лесу! Настя даже зажмурилась, как представила, до чего больно Королю-обжоре. А когда она открыла глаза, Король-обжора сидел под сосной, стонал и зажимал начавшую расти на лбу шишку обеими руками.

– Ты видел? Ты заметил? – стонал он, обращаясь к Главному министру. – Это не иначе они мне подножку подставили. Тут они! Кидай сеть! Лови!

– Кидаю, ваше величество, кидаю! – провозил Главный министр самым верноподданическим голосом и снова метнул сеть.

Но сейчас Настя с Чур-чуром молчали, как рыбы, и он метнул сеть в белый свет как в копеечку – иначе говоря, туда, не знаю куда. Где Насти с Чур-чуром совсем даже не было. Потому что они остались на своем прежнем месте, чуть только отойдя в сторону.

– Хи-хи, ха-ха, – не удержались Настя и Чур-чур.

– Здесь они, здесь! – одной рукой держась за шишку, указал другой Король-обжора.

– Теперь бежим, – снова шепнул Насте Чур-чур.

Они снялись с места и, стараясь как можно бесшумней, перебежали за другую сосну.

А Главный министр, торопливо собрав сеть, торопливо метнул ее в третий раз. Он так торопился, что сеть у него полетела не туда, куда указывал Король-обжора, а прямо на него самого. Хлоп – и Короля-обжору накрыло сетью, от неожиданности он потерял равновесие, упал – и засучил под сетью руками-ногами.

– Ты совсем?! Ты против кого? Ослеп?! – визжал он из-под сети.

– Ваше величество! Простите! Я не хотел! – блеял Главный министр, выпутывая Короля-обжору из сети. – Это случайность! Я за вас! Всегда за вас, ваше величество!

– Умора! Ой, в самом деле умора! – держалась за живот, не могла остановиться, смеялась Настя.

Но смеяться, между прочим, было опасно. Главный министр услышал их и с сетью наперевес уже снова шел на них в наступление.

– Я сейчас их отвлеку, – прошептал Чур-чур Насте на ухо. – Смотри, какая будет умора. – Он выскользнул из-под шапки-невидимки, полетел на Главного министра, будто шмель, собравшийся укусить того в нос, и провозил во весь голос: – Главный министр – дурак с печки бряк!

Главный министр выпустил сеть из рук и изо всех сил замахал руками перед собой, будто отмахиваясь от настоящего шмеля.

– Пошел! Пошел! Не трогай, говорю! Поймаем – хуже будет!

Это была такая умора – живот у Насти от смеха даже заболел.

– Ой, ха-ха! Ха-ха-ха, ой! – закатывалась она.

– Вот она! Вот где! – заблажил, указывая пальцем, Король-обжора. И снова бросился на ее голос, растопырив руки. – Лови ее! Держи ее!

Без Чур-чура рядом Настя слегка растерялась, и Король-обжора, возможно, схватил бы ее своими толстыми короткими ручками, но Чур-чур пришел ей на помощь. Загудев, как десять электросварок, он мигом оказался уже перед носом Короля-обжоры:

– А Король-обжора – самый большой дурак с печки бряк!

Король-обжора и в самом деле походил на дурачка – так он заплясал на месте и замахал руками, отмахиваясь от гудящего десятью электросварками Чур-чура.

А Чур-чур, вдоволь попугав его, шмыгнул к Насте, нырнул к ней под шапку-невидимку и стал невидимым.

– Здорово я их, да? – сказал он с довольством.

– Здорово! – ответила с восхищением Настя.

Главный министр между тем пришел в себя после нападения Чур-чура.

– Не знает, а дразнится, – подобострастно сказал он Королю-обжоре. Тот перестал махать перед собой руками, словно ветряная мельница крыльями, но по глазам его было видно, что голова у него еще ничего не соображает. – Совсем даже не дурак с печки бряк, а моряк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.